
ПСИХОЛОГИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Н.Н. Палеева

ЦЕННОСТИ И СИТУАЦИИ РИСКА

Аннотация. Психологи давно обратили внимание на авантюризм, спонтанность человеческого поведения. Риск — постоянный спутник истории. Недаром Председатель из пушкинского «Пира во время чумы» говорит: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю, и в разъяренном океане... Эта, казалось бы, противоестественная способность человека идти навстречу опасности, гибели, искать особой энергетики и адреналина. Но риском в конечном счете чреваты не только экстремальные виды спорта, чрезвычайные ситуации катастрофы. Риском пронизаны буквально все стороны существования людей, их сознание, поведение и деятельность.

Ключевые слова: психология, риск, чрезвычайные ситуации, общество, сознание, установка, ценность, поведение, человек, мотивация.

Человеческое поведение на самом деле двойственно. Вопрос можно поставить и таким образом: не открывается ли некое, более адекватное знание о человеке в тот момент, когда он находится в состоянии риска? А с другой стороны, почему именно в современном сознании все чаще возникает странная установка, согласно которой стоит освободить человека от риска, от боли, от экстремальных ситуаций. Достаточно сослаться хотя бы на недавнюю дискуссию, которая развернулась в «Литературной газете». Некоторые авторы манифестально отстаивали идею человека, который не только добивается благосостояния, но и размещает себя в пространстве спокойного потребительского общества.

Действительно, сама социальная ситуация постоянно подталкивает человека к риску. Однако чаще всего в философской и социальной литературе человек оценивается как жертва обстоятельств, как объект. К примеру, когда говорят о психологии чрезвычайных ситуаций, то, прежде всего, имеют в виду события, связанные со стихийными бедствиями, террором. Но порой более опасными для общества могут оказаться реальные события повседневности, которые совсем не исключительны, но по происшествии времени обнаруживаются как требующие незамедлительной коррекции или исправления. Чрезвычайная ситуация — это не только ураган или землетрясение. Люди, например, оказываются в тисках увеличивающегося эмоционального стресса, который связан с резкой деформацией сложившего-

ся уклада жизни. Не удивительно, что в последние годы у многих россиян выработалась чудовищная приспособительная реакция к тому, что, казалось бы, невозможно вынести, — синдром вживания в катастрофу.

Человек сам по себе, исходя из побуждений, обусловленных его собственной природой, устремлен к рискованным поступкам и действиям. Политик, инициатор «ярость масс». Предприниматель, пестующий собственный бизнес. Испытатель сложных технических конструкций, подводников, космонавтов, дрессировщиков. Реформатор, не успевший продумать дальнейшие последствия собственных проектов. Педагог, внедряющий новации, которые еще не получили экспериментальной проверки. Можно ли считать таких людей маргиналами, нарушающими установленный порядок вещей? Можно ли квалифицировать их как людей авантюры? Или, напротив, их способность действовать в условиях неопределенности, вести за собой людей — мощный двигатель социальной динамики?

Люди идут на подвиги ради спасения попавших в беду, жертвуют жизнью, охраняя общественные интересы, защищая отечество. Они рискуют, поддавшись власти страстей и увлечений, любви и ненависти, доброты и злости, сострадания и равнодушия. Мотивация человека риска разнообразна. Здесь достаточно напомнить известные размышления Сократа о мужестве, храбрости. Вот человек бросается в бой и погибает. Есть поступок, но нужно еще исследовать мотивацию. Может быть, он храбр и безмерно отважен.

А может быть, не знает о размерах опасности, которая ему угрожает. Не исключено, что его поступок продиктован тщеславием, желанием обрести известность. Наконец, этот храбрец, может быть, просто фаталист. Он убежден в том, что пуля не достанет того, кому суждено погибнуть в волнах океана.

Замечателен пример, приведенный в книге о любви Пушкина, которая ставила его в положение отчаянного риска, когда опасности подвергались и его счастье, и его жизнь. Поэт неоднократно дрался на дуэли. Сам поединок может рассматриваться как попытка драматической развязки того разлада с жизненными обстоятельствами, в которые был погружен великий поэт. По мнению автора, «заряженными» различного рода рисковыми инициативами оказываются те, кто обладает решительностью, смелостью характера, изобретательностью ума и многими другими индивидуальными свойствами, позволяющими им находить верное и скорое решение возникающих проблем, подвергаться неожиданному и суровым испытаниям на пути достижения намеченной цели.

Насколько оправданна такая «героизация» риска? Нет сомнений в том, что склонность к риску может выражать и психопатологические черты. Рисковал ли Гитлер, развязывая мировую войну? Обладал ли он качествами неукротимого лидера? Не случайно в «Общей психопатологии» К. Ясперс рассматривает «натиск мыслей» и «натиск движения» как выражение невротических состояний. Истории известны имена многочисленных авантюристов, которые преуспели в том, чтобы совлечь историю с ее магистральных маршрутов.

Поэтическая фраза В. Солоухина «душу сполоснуть горячим спиртом...» и феномен праздника вообще стоило бы развести по разным нишам. Вторжения в психологию чрезвычайных ситуаций, разумеется, требует большей основательности. Само собой понятно, что психологические ресурсы человека огромны. Люди могут долго пребывать в межпланетном пространстве. Они способны обживать океанские глубины. Человек подолгу живет без воды и пищи, выдерживает зной и холод. Но сегодня, можно полагать, мы живем на пределы наших возможностей. Люди утратили чувство защищенности. Они боятся ночевать в своей квартире, избегают общения с врачом, милиционером, все чаще погружаются в глубокую депрессию.

Человек живет в мире напряженной нравственно-психологической мотивации. Он соотносит свои поступки не только с каждодневными интересами, но и с идеалом, абсолютном. Это особенно заметно в современной России, которая неожиданно столкну-

лась с множеством ценностных ориентаций, требующих неотложного выбора. Жить в свободе или делегировать собственную волю вертикали власти? Обрести богатство или обеспечить себе счастливую человеческую жизнь без изысков? Родить третьего ребенка, но во имя любви, государственной целесообразности или ради свалившегося вдруг пособия? Пойти в армию: ради того, чтобы служить Отчизне или чтобы вернуться в отчий дом человеческим обрубком? Прослыть демократом, чтобы стать заложником авторитарных тенденций народовластия? Поддержать Иран в его противостоянии США или пристроиться в арьергарде международного гегемона?

Все чаще в практической жизни возникают, казалось бы, лишние в житейском контексте вопросы: зачем? во имя чего? ради каких святынь? Представьте себе, вам говорят: вон там виднеется овраг, надо во что бы то ни стало, не щадя жизни, добраться до него и там обосноваться. Но почему овраг дороже жизни? А теперь иначе: «видите те три березки, это часть русской земли, которая принадлежала нашим дедам, мы должны ценой жизни, если понадобится, отбить ее у супостата». Я изложил мысль Н.А. Бердяева, который таким образом пытался объяснить, что такое ценность в человеческом существовании и как она придает смысл любому поступку.

Марксистски ориентированная социология не учитывала этот важнейший аспект бытия. Величие К. Маркса в том, что он раскрыл роль интересов в социальной жизни. Он показал, что отдельный человек и классы в целом защищают в истории собственные потребности и мечты. Если хочешь понять смысл исторического поворота, отыщи и осознай те интересы, которыми руководствуются люди. О том, что существуют иные, более глубинные мотивы человеческого поведения, К. Маркс, судя по всему, не догадывался.

Это не удивительно, потому что аксиология как наука о ценностях родилась в конце XIX в., когда исследователям открылся этот новый пласт человеческого бытия. В жизни конкретного человека, как и в истории народов, мы видим многочисленные примеры, когда люди действуют не ради корысти, не ради осознанных интересов, а во имя высоких целей, одухотворяющих святынь. Святым великомученикам Борису и Глебу кричали: убейте вашего брата, который незаконно завладел тронном и теперь наверняка уничтожит и вас. «Нет, — отвечали братья, — если ради власти нужно пролить кровь, мы ни ступим и шагу. А если, чтобы сохранить свою жизнь, нужно занести топор, мы лучше покорно уйдем из этой жизни».

В конце Второй мировой войны японский император добровольно отрекся от престола, ради спасения страны. Это был великий выбор, который принес ему известность, но лишил священной власти. А индийский лидер Махатма Ганди не призвал свой народ отстаивать свои интересы с оружием в руках. Напротив, он предложил индийцам противопоставить Западу собственные традиции и святыни, чтобы сохранить свою идентичность.

История окажется весьма обедненной, огрубленной, если мы устраним этот ценностный фундамент жизни. Люди отстаивают свои интересы, реализуют собственные цели. Но порой с предельной остротой возникают перед ними смысложизненные вопросы: зачем мы живем, что придает нашей жизни осознанное очарование, каковы наши одухотворяющие цели? Ценности позволяют нам подняться над прозаической суетностью, над прозой жизни, над утилитарностью повседневности.

Люди по-разному относятся к жизни и даже к самой ее ценности, к труду, к преобразованию бытия как смыслу человеческого существования. Марксисты, оценивая возможный ход событий, фиксировали классовые установки, полагая, что образ жизни людей повсюду одинаков и определяется, в конечном счете, экономическим расчетом. Но в истории массы часто действуют, словно вопреки собственной выгоде, пренебрегая корыстью и житейской логикой. Незыблемую сокровенную жизненную ориентацию философы называли ценностью. Это и есть то, без чего человек не мыслит полноценной жизни.

Сами же ценности родились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогавшие человеку устоять перед лицом рока, тяжелых жизненных испытаний. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, придают смысл человеческой жизни.

В двух разных культурах мы можем обнаружить одни и те же ценности. Однако они выстраиваются в определенную иерархию, то есть то, что в одной культуре занимает высокое положение, в другой — оказывается на ином месте. Поэтому культура — это выстроенность ценностей, их своеобразное подчинение.

Бурное отвержение традиционных ценностей, рождение новых ценностных ориентаций усиливают меру человеческой ответственности за свои поступки. «Три фактора характеризуют человеческое существование как таковое: *духовность* человека, его *ответственность*, его *свобода*»¹. Поляризация ценно-

стей ставит человека в положение выбора жизненных установок. Один говорит: «Для меня важно получить знания. Буду учиться, чтобы стать профессионалом, сведущим специалистом. Без знаний в нашу эпоху не проживешь...» Другой возражает: «Пойду работать в зарубежную фирму. Никакие специальные знания мне не нужны. За выполнение секретарских обязанностей мне будут платить столько, сколько не получает сегодня учитель... А может быть, даже и профессор. Для меня звание — это не главное...»

Мы живем в эпоху коренной ломки вековых ценностных ориентаций. Раннебуржуазная этика рассматривала труд как потребность человека и призвание жизни. Люди той эпохи считали, что человек, который не трудится, достоин презрения. Однако сегодня во многих цивилизованных странах говорят о крушении «этики труда». В раннебуржуазных странах люди работали в полную силу, оставляя лишь несколько часов на отдых. Но постепенно в общественном сознании укрепилось другое представление: труд — не самое насущное для человека. Нужны деньги, чтобы развлекаться, наслаждаться радостями жизни. А деньги можно получить, и не трудясь в «поте лица своего», а просто если улыбнется удача. Не исключено, скажем, использовать свой шанс в лотерее или принять участие в телевизионной викторине. Да мало ли как богатеют люди, не приложившие особого труда для своего благоденствия. Теперь во всем мире сетуют на отсутствие трудолюбия, размышляют над тем, как вернуть труду статус сверхзначимой жизненной ориентации.

Процесс смены ценностей, как правило, длителен. Но порою он принимает форму неожиданной перестройки всей системы представлений. К тому же ценностные ориентации одной, ушедшей эпохи могут возрождаться, обретать неожиданное звучание в другую эпоху. С этой точки зрения можно сказать: культура обладает некой сокровищницей, набором ценностных ориентаций, которые группируются в зависимости от преобладающей тенденции в обществе. Эту мысль М.М. Бахтин выразил следующим образом: «Человек однажды действительно утвердил все культурные ценности и теперь является связанным ими. Культурные ценности — это самоценности. Живому сознанию надлежит приспособиться к ним, утвердить их для себя...»

Напомним: люди по-разному относятся к жизни и даже к самой ее значимости, к труду, к преобразованию бытия, к земным радостям, к нравственным нормам вообще. Иногда возникает иллюзия, будто

¹ Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия.

СПб, 2000. С. 19.

все ее ценности имеют вечный, непреходящий, общеисторический характер. Однако это не так. В каждой культуре рождаются, расцветают и умирают свои идеалы.

Но это вовсе не означает, будто вместе с культурой гибнут и ее ценности. Они могут возродиться в другой культуре. Наконец, культуры как бы аукаются, перекликаются между собой, существуют межкультурные ценности, которые не отменяют специфических ценностей каждой культуры.

Ценности связаны с нравами эпохи. И это нередко выглядит впечатляюще, когда мы смотрим на прошлое.

Рабовладелец или феодал, перенесенные из древнего в современный мир, — пишет Э. Тоффлер, — с трудом смогли бы поверить и очень изумились, узнав, что мы меньше бьем рабочих, а производительность труда их — выше. Капитан корабля был бы поражен тем, что к матросам не применяются методы физического наказания, их не увозят в плавание насильно, предварительно опоив. Даже квалифицированный плотник или дубильщик из XVIII в. был бы поставлен в тупик, что он не может запросто дать в зубы своему ученику. Посмотрите — этот пример иллюстрирует вышесказанное — на цветную гравюру В. Хоггарта «Индустрия и лен», напечатанную в Англии в 1796 г. На ней мы видим двух «подмастерий» — один с удовольствием трудится за ткацким станком, другой — дремлет. Справа, размахивая тростью, подходит разъяренный босс колотить бездельника².

Само понятие ценности употребляется в современной психологической литературе в различных значениях:

- (1) Ценность отождествляется с новой идеей, выступающей в качестве индивидуального или социального ориентира;
- (2) Ценность воспринимается как распространенный субъективный образ или представление, имеющее человеческое измерение;
- (3) Ценность синонимизируется с культурно-историческими стандартами;
- (4) Ценность ассоциируется с типом «достойного» поведения, с конкретным стилем жизни.

Ценность фиксируется и обозначается через определенные жизненные представления. Ее содержание раскрывается с помощью конкретного комплекса идей. Однако ценность ни в коей мере не может быть отождествлена с идеей, ибо между ними пролегает существенное, принципиальное различие. Идеи

могут быть истинными и ложными, научными или религиозными, философскими или мистическими. Они характеризуются через тот тип мышления, который им дает нужный импульс. Главный критерий в данном отношении — степень истинности той или иной идеи.

Что же касается ценностей, то они тоже ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении, однако не всегда в соответствии с результатами познания. Например, наука утверждает, что все люди смертны. Это вовсе не означает, что каждый индивид воспринимает данное неопровержимое суждение как безусловное благо. Напротив, в сфере ценностного поведения человек как бы опровергает безоговорочность приведенного суждения. Человек в своем поведении может отвергать конечность своего существования. Более того, традиции некоторых культур опровергают идею смертности человека.

Личность далеко не всегда стремится жить по науке. Напротив, многие с опаской относятся к ее чисто умозрительным рекомендациям, хотя и погружаются в теплый мир мечты, презрев общезначимые реальности. Человек черпает жизненную энергию в том, что, по существу, противостоит холодному научному постулату. Стало быть, ценность — это понятие иное, нежели одухотворяющая истина.

Наука по своему определению отдалена от ценностей. Представим себе такую картину. На лужайке пасется ягненок. Вдруг появляется волк и разрывает его на части. Наука, разумеется, способна объяснить, что тут произошло. Однако само это истолкование, по существу, не затронет вопроса о смысле эпизода. Ученый может сказать: хищники поедают травоядных — так устроен мир. Однако отчего и во имя чего ягненок оказывается жертвой? Увы, такой вопрос не соотнесен с логикой науки как средством объяснения мира.

Однако было бы не вполне точно отождествлять ценность только с субъективным образом, с индивидуальным предпочтением, возникающим в противовес аналитическому, всеобщему суждению. Разумеется, спектр ценностей в любой культуре широк, но не беспределен. Человек волен выбирать те или иные ориентации, но это происходит не в результате абсолютного своеволия. Иначе говоря, ценности обусловлены культурным контекстом и содержат в себе некую нормативность.

Человек соизмеряет свое поведение с нормой, с идеалом, целью, которые выступают в качестве образца, эталона. Понятия «добро» или «зло», «прекрасное» или «безобразное», «праведное» или

² Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001. С. 65.

«неправедное» могут быть названы ценностями, а связанные с ними взгляды, убеждения людей — ценностными идеями, которые могут оцениваться как приемлемые или неприемлемые, оптимистические или пессимистические, активно творческие или пассивно-созерцательные. Именно в этом значении те ориентации, которые обуславливают человеческое поведение, называют ценностными. Люди постоянно соизмеряют свои действия со своими целями, общепризнанными нормами. В истории сталкиваются различные идеалы, абсолюты и святыни. Ценности также более подвижны, нежели культурно-исторические стандарты. В рамках одной культуры может произойти смена ценностных ориентаций. Американский социолог Д. Белл в работе «Культурные противоречия капитализма» показал, что на протяжении исторической судьбы капиталистической формации радикально менялись ценностные ориентации от протестантской этики до модернизма, то есть совокупности новых жизненно-практических установок³.

Ценность — это личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но собственного жизненного опыта людей. Понятие ценности крайне значимо для уяснения специфики культуры.

Аксиология (от греч. *axios* — ценность и *logos* — слово, понятие) — учение о ценностях, теория общезначимых принципов, определяющих направленность человеческой деятельности, мотивацию человеческих поступков.

Возникновение понятия ценности в конце XVIII в. было связано с пересмотром традиционного обоснования этики, характерного для античности и средних веков и предполагавшего тождество бытия и блага. Понятие ценности впервые появляется у Канта, который противопоставил сферу нравственности (свободы) сфере природы (необходимости)⁴.

В философской литературе часто пишут о том, что теория ценностей как особая область философского знания сложилась во второй половине XIX в. На самом деле в это время появилась так называемая «философия ценности», которая позже получила название *аксиологии*. «Однако ценностное отношение и стремление его теоретически постигнуть возникли задолго до этого, точно также, как эстетическое отношение человека и его осмысление существовали тысячелетия до того, как А.-Г. Баумгартен выдвинул идею эстетики

как особой области знания»⁵.

В русском языке слова «ценность», «оценка», очевидно, связаны со словом «цена». Но это слово в первоначальном смысле имело значение «возмездие», «воздаяние». Ценность выражает представления о совершенном человеке в различных культурах.

Ценность — это цель всякого поступка и усилия. Поскольку последнее понимает себя как культура, ценности становятся культурными ценностями, а те в свою очередь — вообще выражением высших целей творчества на службе самообеспечения человека как субъекта. Как отмечал М. Хайдеггер: «Отсюда только один шаг, до того, чтобы сами ценности сделались предметами в себе. Ценность есть опредмеченная цель, определенная потребностями такого представления, которое самоучреждается в мире как картина. Ценность, по видимости, предполагает, что сообразующиеся с ней люди занимаются самым что ни на есть ценным; на самом деле ценность как раз и оказывается немощным и прохудившимся прикрытием для потерявшей объем и фон предметности сущего. Никто не умирает за голые ценности»⁶.

Ценностью мы признаем, скажем, свободу народа, но по существу мы имеем тут в виду все-таки опять же свободу как благо, которым мы располагаем или не располагаем. Опять же свобода не могла бы для нас быть благом, если бы свобода как таковая не была заранее уже ценностью, чем-то таким, что мы ценим как значимое, стоящее, «о чем идет дело». Но что значит «значимое»? Хайдеггер отвечает: «Значимо то, что играет важную роль. Вопросом остается: значима ли ценность, потому что она весома. Или всякий вес может быть измерен только значимостью? Если последнее верно, то спросим снова: что значит, ценность значима? Значимо что-то, потому что оно ценность, или оно ценность, потому что значимо? Что такое сама по себе ценность, что она значимая, стоящая? Значимость все же не нечто, она скорее род и способ, каким ценность, а именно в *качестве* ценности, «*есть*». Значимость есть род бытия. Ценность имеет место только в том или ином ценностном бытии»⁷.

Сегодня немало пишут о том, что поведение человека весьма сильно зависит от господствующей культуры. Многое оказывает воздействие на наше сознание. Как же можно проявить собственную уникальность? Возможно, мы только полагаем, будто у нас есть идеа-

³ См.: Bell D. *Cultural Contradictions of Capitalism*. N.Y., 1976.

⁴ Гайденко П.П. *Аксиология* // *Философский словарь*. М., 2001. С. 16.

⁵ Столович Л.Н. *Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии*. М., 1994. С. 8.

⁶ Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С. 56.

⁷ Там же. С. 71.

лы. А на самом деле они взяты из наличной культуры, некритически восприняты нами.

Каждый из нас выбирает ценностные ориентации из наличной культуры. По словам Людвиг Витгенштейна, культура — это как бы грандиозная организация, указывающая каждому, кто к ней принадлежит, его место, где он может работать в духе целого, а его сила с полным правом может измеряться его вкладом в смысл этого целого. «Я понимаю, — отмечал он, — что исчезновение культуры означает исчезновение не человеческих ценностей, а только определенных средств выражения этих ценностей».

Потребность в выражении духовных абсолютов неистребима. Ценности не угасают, а возрождаются в новой реальности. Но это вовсе не означает, будто наши предпочтения жестко сопряжены с тем, что принято в данной культуре. Многие люди обращаются к арсеналу общечеловеческих идеалов, но радикально отвергают ценности, бастающие, скажем, сегодня. В истории человечества были эпохи, когда люди следовали заповедям аскетизма. Например, в Древней Греции стоики учили отказываться от призрачных радостей жизни. Так поступали средневековые монахи и индийские отшельники.

В современной же культуре, напротив, аскетизм не популярен. И уже тем более никем не рассматривается как ценность. Многие люди хотят иметь множество товаров, различных жизненных благ, потреблять все, что может предложить постиндустриальная цивилизация. Господство таких ценностных ориентаций вызывает тревогу у социальных мыслителей. Как отмечал американский социолог Д. Белл, нынешняя цивилизация вызвала потребительский энтузиазм, спровоцировала различные потребности, которые невозможно удовлетворить, поскольку земные энергетические ресурсы не беспредельны. Между тем люди стремятся потреблять все больше и больше. Эпиграфом к книге «Культурные противоречия капитализма» Белл мог бы взять слова Н.А. Некрасова:

*Идет громадная,
К соблазнам жадная
Толпа...*

Как уже отмечалось, люди не просто выбирают ценности. Они придают им различную значимость, то есть выстраивают в определенную иерархическую систему. И вот получается, что одни ценности, скажем, правила, записанные в кодексе чести, живут в одной эпохе и умирают в другой. Но есть ценности, которые продолжают существовать в разных культурах, сменяющих друг друга. Наконец, такие ценности,

которые можно назвать универсальными, или общечеловеческими.

Важнейшая задача аксиологии состоит в том, чтобы обосновать абсолютные ценности. Между тем куда бы мы ни обратили свой взор, мы всюду обнаруживаем *ценности относительные*. Вот что писал по этому поводу русский философ Николай Онуфриевич Лосский: «Быстрый бег гончей собаки, преследующей зайца, — добро для гончей и зло для зайца; в осажденной крепости, где гарнизон страдает от недостатка съестных припасов, съедание хлеба одним солдатом есть благо для него и бедствие для другого солдата; любовь Анны Карениной и Вронского — счастье для Вронского и несчастье для мужа Карениной; преодоление Карфагена Римом — счастье для Рима и бедствие для Карфагена»⁸.

Блез Паскаль говорил, что ветка никогда не сможет понять смысл всего дерева. Не напрашивается ли предположение, что человек в мире занимает лишь кажущееся положение завершающей ступени развития, что его положение является превосходящим лишь в рамках природы, только по отношению к животному; что в отношении «бытия в мире» (М. Хайдеггер) в конечном итоге можно сказать то же, что и об окружающих средах представителей животного мира.

Жизнь требует от человека исключительной гибкости в приспособлении к шансам, которые она ему дает. Ценности, которые реализуются в продуктивных творческих действиях, В. Франкл называет «*созидательными*». Но есть ценности, которые, по его типологии, реализуются в наших переживаниях. Это «*ценности переживания*». Они проявляются в нашей чувствительности к явлениям окружающего мира — например, в благоговении перед красотой природы или произведений искусства. Нельзя недооценивать всей полноты смысла, которую приобретает наша жизнь благодаря этим ценностям. Наивысший смысл каждого данного момента человеческого существования определяется просто интенсивностью его переживания и не зависит от какого бы то ни было действия. Для тех, кто сомневается в этом, Франкл предлагает рассмотреть следующую ситуацию. Представьте себе истинного ценителя музыки, сидящего в концертном зале и поглощенного благородным звучанием любимой симфонии. Он охвачен таким эмоциональным трепетом, какой испытываем мы перед лицом чистой красоты. Попробуем теперь спросить его в этот самый момент, имеет ли смысл его жизнь. И он обязательно ответит, что действи-

⁸ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 288.

тельно стоило жить — хотя бы ради того, чтобы испытать подобный момент духовного экстаза. Ибо даже несмотря на то, что речь идет об единственном моменте, величие жизни может быть измерено величиим момента: ведь высота горной гряды определяется не высотой какой-нибудь долины, а величиной высочайшей вершины. Так же и жизненные пики определяют осмысленность всей жизни, и единичное событие может задним числом наполнить смыслом предшествующее существование. Спросите альпиниста, наблюдающего горный закат и ощутившего это великолепие природы до «мурашек по коже», — сможет ли он когда-нибудь после этих переживаний ощутить такую полноту и осмысленность своей жизни⁹.

Франкл выделяет и третью возможную категорию ценностей — поскольку жизнь остается в основе своей осмысленной, даже когда она бесплодна в созидательном смысле и небогата переживаниями. Эта третья группа ценностей заключается в *отношении человека к факторам, ограничивающим его жизнь*. Именно реакция человека на ограничения его возможностей открывает для него принципиально новый тип ценностей, которые относятся к разряду высших ценностей. Таким образом, даже очевидно скудное существование — существование, бедное в отношении и созидательных ценностей, и ценностей переживания, — все же оставляет человеку последнюю и в действительности высшую возможность реализации ценностей. Ценности подобного рода В. Франкл называет «ценностями отношения». Ибо действительно значимым является отношение человека к судьбе, выпавшей на его долю. Другими словами, человек, сталкиваясь со своей судьбой и вынужденный ее принимать, все же имеет возможность реализовывать ценности отношения. То, как он принимает тяготы жизни, как несет свой крест, то мужество, что он проявляет в страданиях, достоинство, которое он выказывает, будучи приговорен

и обречен, — все это является мерой того, насколько он состоялся как человек. Возможность реализовать ценности отношения появляется тогда, когда человек оказывается сурово обиженным судьбой и ему не остается ничего другого, как принять ее и нести свой крест. Речь в данном случае идет о мужестве и страдании, о достоинстве даже в падении и неудачах. Но как только мы вовлекли ценности отношения в область возможных ценностных категорий, обнаруживается, что человеческое существование, собственно, никогда не может стать действительно бессмысленным: жизнь человека сохраняет смысл пока он дышит; пока человек осознает себя, он несет ответственность за реализацию ценностей, даже если это лишь ценности отношения. Обязанность реализовывать ценности не оставляет человека до самого последнего мгновения его существования. И пусть возможности реализации ценностей творчества довольно ограничены, всегда есть возможность реализовать ценности отношения. Так подтверждается значимость мысли, которую В. Франкл принял за исходную точку: быть человеком — значит ясно осознавать свое бытие и свою ответственность перед ним.

В жизни человеку каждый раз предоставляется возможность обратиться то к одной, то к другой группе ценностей. Жизнь требует от нас либо реализации ценностей творчества, либо обращения к ценностям переживания. В первом случае мы можем обогатить мир своей деятельностью, а во втором обогатимся сами благодаря переживанию. В одном случае требование момента может быть реализовано путем деятельности, в другом — посредством нашего восприятия. Следовательно, и к радости человек может быть «обязан». Человека, который сидит в трамвае и становится свидетелем великолепного солнечного заката или чувствует запах цветущих акаций и не отдается переживанию этих природных явлений, а продолжает читать газету, можно считать в каком-то смысле «безответственным», игнорирующим требования момента¹⁰.

Список литературы:

1. Гайденок П.П. Аксиология // Философский словарь. М., 2001.
2. Гуревич П.С. Трансформация ценностей на рубеже тысячелетий // Характер и личность. Многообразие и интеграция культурных ценностей на исходе XX века. М., 1999.
3. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994.
4. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001.

⁹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 173.

¹⁰ Франкл В. Психотерапия на практике. СПб, 2000. С. 30.

6. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб, 2000.
7. Франкл В. Психотерапия на практике. СПб, 2000.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М., 2004.
10. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.

References (transliteration):

1. Gaydenko P.P. Aksiologiya // Filosofskiy slovar'. M., 2001.
2. Gurevich P.S. Transformatsiya tsennostey na rubezhe tysyacheletiy // Kharakter i lichnost'. Mnogoobrazie i integratsiya kul'turnykh tsennostey na iskhode KhKh veka. M., 1999.
3. Losskiy N.O. Bog i mirovoe zlo. M., 1994.
4. Stolovich L.N. Krasota. Dobro. Istina. Ocherk istorii esteticheskoy aksiologii. M., 1994.
5. Toffler E. Metamorfozy vlasti. M., 2001.
6. Frankl V. Osnovy logoterapii. Psikhoterapiya i religiya. SPb, 2000.
7. Frankl V. Psikhoterapiya na praktike. SPb, 2000.
8. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. M., 1990.
9. Fromm E. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya samogo sebya. M., 2004.
10. Khaydegger M. Vremya i bytie. M., 1993.